

Юлия СИЛИНГ,
учитель литературы, Школа «Муми-троль»,
Москва

Шесть вещей Олегов

У любого преподавателя есть любимые типы уроков. Мне очень нравятся те, на которых

можно сопоставить тексты, объединённые общим сюжетом, образом, мотивом. Потому что на таких уроках у учеников возникает читательское удивление: мы про это уже читали, поэтому думали, что будет так – а оно вдруг иначе. И сразу вопрос – а почему же иначе? И начинается разговор об авторском замысле, поэтике, художественном мире...

В нежно любимой мною с детства книжке Сарнова и Рассадина «В стране литературных героев» была глава, которая называлась «150 Дон Жуанов». Вещих Олегов у меня поменьше – всего шесть. Но этого как раз хватает для разговора на уроке.

Первый, конечно, в «Повести временных лет» (все тексты, о которых идёт речь в статье, даны в приложении, доступном в Личном кабинете). Думаю, этот фрагмент дают все перед разговором о пушкинском тексте. Для меня важно дать не только эпизод с предсказанием и конём, а и рассказ о том, как Олег убивает Аскольда и Дира, сказав, что они не княжеского рода, а он и малолетний Игорь – княжеского. И историю о кораблях, посуху пошедших к стенам Византии и последующем договоре с греками. Тогда впоследствии способом выражения авторской позиции у нас станет и сам выбор эпизода, что не часто удаётся показать.

Обращаю внимание детей ещё на несколько моментов. Автор говорит об Олеге: «И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещёнными»; Олег спрашивает кудесника не о времени своей смерти, а о её причине («Ибо спрашивал он волхвов и кудесников: “От чего я умру?”»); перед тем как ехать смотреть кости коня, Олег дважды посмеялся над кудесником – он уверен, что тот ошибся, и едет подтвердить свою гипотезу.

Второй текст – это дума К.Рылеева «Вещий

Олег» . Хронологически этот текст практически современен пушкинскому, но и идеология, и поэтика более архаична, поэтому выбран этот порядок.

Прежде всего дети удивляются – ни слова о кудеснике, Олег в конце текста жив и здоров. Рылеева и Пушкина вдохновили разные эпизоды текста. Почему? Начинаем вчитываться.

В первой же строфе – ответ на вопрос, который в «Повести временных лет» вообще не стоит: зачем Олег пошёл воевать. Ответ оказывается совершенно гомеровским: «Наскучив мирной тишиною».

Он герой и предназначен для подвига. Дружина с веселием жаждет боя. Буйный Днепр-стихию герои покоряют – и становятся ей подобны. А те, кто битвы не жаждет, выглядят жалкими и недостойными великих предков. «Император самовластный в чертогах – трепетал». Войско Олега не может не одержать немного голливудскую – без убитых и раненых – победу и с триумфом возвращается домой к восторгу жителей Киева. В сильном классе интересно поразмышлять над вопросом, почему в рылеевском тексте Брут, персонаж, мягко говоря, неоднозначный, становится примером для подражания.

А дальше – разговор о Рылееве. Обычно ученики средней школы не очень много знают о нём, у них есть возможность по тексту, достаточно публицистическому, предположить, что для этого человека было важно, а потом сопоставить свою гипотезу с рассказом учителя о биографии поэта и его времени.

Потом – Пушкин . После Рылеева в хорошо знакомом тексте становятся видны возможно не замеченные ранее мелочи: Олег – вещий, хазары – неразумные (у Рылеева оппозиция доблесть – трусость, о мудрости Олега может говорить разве что его седина, да и то косвенно), у Рылеева буйный – это достоинство, у Пушкина за буйный набег идёт мстить Олег. У Пушкина дружина и броня защищают Олега, хоть в итоге и не защитят от судьбы, у Рылеева герой не нуждается в защите. У Рылеева соперника легко победить, у Пушкина – невозможно.

Отношение автора к персонажу – однозначно восхищённое у Рылеева и не без иронии у Пушкина: думал защититься – и не защитился, вещий – а не понимает, что кудеснику князь не страшен, а конь – не

нужен. У Рылеева Олег – символ доблести и достоинства, у него не может быть человеческих чувств, у Пушкина – напротив, прощание Олега с конём и потом злость на разлучившего их попусту кудесника очень важны. У Рылеева Олег творит историю, у Пушкина история течёт через него, об этом повтор описания пирующей дружины в конце текста.

Следующее стихотворение обычно производит на детей сильное впечатление, и не только в силу своих несомненных художественных достоинств, но и потому что оно привычную историю выворачивает наизнанку, меняя плюс на минус. Это стихотворение замечательного поэта второй половины XX века Александра Величанского (1940–1990).

С первой строки ясно, что Величанский ведёт свой диалог не с древнерусским текстом, а с пушкинским. Рылеевский текст тоже полезно будет при разборе иметь в виду.

У Величанского тоже возникает вопрос, зачем Олег идёт войной, но ответ на него иной: «Соседей ограбить и славы найти». Для Рылеева «найти славы» – похвально, для Величанского почему-то нет. Что может быть похвального в грабеже соседей?

Кудесник тут тоже не похож на своих предшественников – он не просто выходит из леса, он встаёт на пути, чтобы помешать происходящему. И Олег не питает к нему почтения, пытается запугивать, насмехается. Его собственная жизнь построена на своём и чужом страхе, иное не приходит в голову.

Кудесник у Величанского слепой. Это прекрасная возможность для учителя поговорить о мотиве слепоты: о том, что в фольклоре слепые видят иной мир, о том, кто кого в стихотворении считает слепым, то есть не знающим истины, и насколько обоснованно.

Рылеевский Олег был хозяином истории, он творил её и его с восхищением помнят, у Величанского с темой истории сложнее: «в забвении ложь неизбежная есть по имени память». Память будет, но не захочешь ли забвения?

Пушкинский Олег бессилен перед судьбой, но она не персонифицирована, это просто сила, не замечающая конкретных людей. У Величанского сил над Олегом оказывается сразу две: «такая Олегу по жребию дань» (пушкинский или античный Рок)

и смерть как личность, которая откровенно издевается над претензией Олега на всемогущество: «она и сама не решила пока, когда, тебе, князю, свалить дурака».

Такой Олег достоин не пророчества, а проклятия. И кудесник проклинает его тем, что вроде бы должно Олега радовать – вечной жизнью в таких же кровавых боях и злодеяниях. Только не порадовало. Если понимать смерть как остановку времени, прекращение изменений – то бессмертие, которым проклинают Олега, страшнее участи Агасфера и Каина (о которых весьма уместно тут напомнить ученикам).

Посмертный покой – это жалкая ложь: «Ты жизни достоин и ты не умрёшь: // Останешься мучить, останешься жечь // Устанет рука и источится меч – // Устанешь от вопля, от пепла в кострах, // Запросишь забвенья, запросишься в прах... // Но смерть постоянна. И будешь палим // Проклятьями новыми, купно с моим».

Правда, этот Олег мало что способен понять: пушкинский робко пытался уйти от предначертанного, этот же в гордыни глупости возглашает: «Мой рок под моею трепещет стопой». Думаю, читатели увидели под этой стопой возможную змею, но Величанский не удостоит своего героя такой гибели.

Олег в свою очередь «предрекает» кудеснику скорую гибель от его руки, причём тоже говорит о том, что жизнь и смерть для кудесника будут неразличимы (как и для Олега после проклятия). Но что случилось с кудесником в конце – не ясно. То ли Олег убил его, и ворон видит с небес тело, которым готов пообедать, то ли кудесник исчезает в заколдованном лесу и только его вещий ворон видит его с небес. Это ещё один вопрос для обсуждения с детьми, какой финал с их точки зрения больше соответствует логике текста.

После такого трагичного и непростого текста обращаемся к песне Владимира Высоцкого. Тут всё кажется простым и забавным. Сразу обратим внимание и на название – не песнь, а песня.

Диалог у Высоцкого тоже идёт с текстом Пушкина, первая строка совпадает, а вот дальше... Не так часто мы имеем удовольствие показать ученикам, как можно поменять идею на противоположную, просто изменив число существительного. Прибить щит на

ворота – подвиг, прибивать щиты на ворота – нудная работа по починке забора. И вместо одного волхва, мудрого и неповторимого – много. Много мудрых обычно не бывает. Если представить себе фрагмент фильма по этой песне, получается смешно: бегают какие-то старики и чего-то неразборчиво шепелявят спьяну. Вообще-то пророк может быть невнятным (вспомним тех же пифий), и его неразборчивая речь бывает недоступна профанам, но тут явно что-то не так. Все привычные нам мотивы предстают в каком-то жалком виде.

Волхва никто не спрашивает – тут нет тех, кто задумывается о судьбе, Олег его и ударом не удостаивает, разгоняет волхвов дружина, причём не оружием – нагайками, как казаки разгоняли в своё время демонстрации. Положительных героев нет совсем: доблестная дружина топчет конями пьяных стариков. И тип смеха у Олега меняется. Помните, в «Повести» он посмеялся, у Пушкина усмехнулся, а у Высоцкого – саркастически хмыкнул. И вместо роковой гробовой змеи – вполне конкретная гадюка. Наконец, мораль текста: вроде справедливо, послушать волхвов, даже пьяных, явно стоило, но и это сразу становится бессмысленным, ну прибил ещё один щит, мало их там уже что ли?

Разобравшись в деталях, стоит поговорить о художественном мире этого стихотворения в целом. Вот у Рылеева великий Олег, великие битвы, у Пушкина достойный Олег, могущественная судьба и мудрый кудесник. Здесь же ничего большого и достойного уважения нет, объект описания – сам измельчавший донельзя мир.

И, наконец, последний Олег – Александра Галича. В принципе, без этого текста можно обойтись, потому что трактовки сюжета мы тут не встретим, а исторического комментария текст требует. Но я его даю, чтобы иметь повод лишний раз назвать имя этого поэта в классе, поговорить о том, как ещё мифологема Вещего Олега может жить в культуре.

Мы говорим о том, что для Галича, как и для Величанского, война – зло, а в роли неразумных хазар оказались мы сами, не услышав того, что сказано было не даром. Что тот, кто на трибуне, тоже воображает себя мудрым и вещим, а автор мельчайши-

ми штрихами («большой человек», «воскликнул с волнением и жаром» – в научном докладе) даёт нам понять, что это не так. О том, что делать человеку с правдой, что с ней делал Олег у Пушкина, что у Величанского. Нужна ли она?

Таким образом в течение нескольких уроков в процессе разговора об одном персонаже перед учениками предстают несколько совершенно разных художественных миров, со своими темами и проблемами, особенностями и поэтикой.

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» О КНЯЖЕНИИ ОЛЕГА

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов своих: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и овладел городом Смоленском и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и придя, взял Любеч, и также посадил мужа своего. И пришли к горам киевским, и увидел Олег, что княжат тут Аскольд и Дир, спрятал он воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам приступил, неся отрока Игоря. И подошел к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и вынесли Игоря: «А это сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли <Аскольда> на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольга поставил церковь святого Николая; а Дирова могила – за церковью святой Ирины. И сел Олег княжить в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским»

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чудь, и кривичей, и мерю, и полян, и северян, и древлян, и радимичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли «Великая скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и приказал воинам вытащить корабли на берег, и разорил окрестности города, и много перебил греков, и множество палат разрушили и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла причинили русские грекам, как обычно поступают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И когда поднялся попутный ветер, подняли они в поле паруса и двинулись к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали, послав к Олегу: «Не губи города, согласимся на дань, какую захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас Богом». И потребовал Олег выплатить дань на две тысячи кораблей: по двенадцать гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей...

Цесари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам шелковые», и было так. И повесили щиты свои на вратах в знак победы, и пошел от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне шелковые, и разодрал

их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои толстины, не даны, знать, славянам паруса шелковые». И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

И жил Олег, мир имея со всеми странами, княжа в Киеве. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо спрашивал он когда-то волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, – от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не пользуясь им, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, – на пятый год помянул он своего коня, от которого тогда волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Неверно говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И наступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щековица; есть же могила его и доньне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Олег Вещий

Рурик, основатель Российского государства, умирая (в 879 г.), оставил малолетнего сына, Игоря, под опекою своего родственника, Олега. Опекун мало-помалу сделался самовластным владетелем. Время его правления примечательно походом к Константинополю в 907 году. Летописцы сказывают, что Олег, приплыв к стенам византийской столицы, велел вытащить ладьи на берег, поставил их на колёса и, развернув паруса, подступил к городу. Изумлённые греки заплатили ему дань. Олег умер в 912 году. Его прозвали Вещим (мудрым).

1

Наскучив мирной тишиною,
Собрал полки Олег
И с ними полетел грозою
На цареградский брег.

2

Покрылся быстрый Днепр ладьями,
В брегах крутых взревел
И под отважными рулями,
Напенысь, закипел.

3

Дружина храбрая героев
На славные дела,
Сгорая пылкой жаждой боев,
С веселием текла.

4

В пути ей не были преграды
Кремнистых гор скалы,
Днепра подводные громады,
Ни ярых вод валы.

5

Седый Олег, шумящей птицей,
В Евксин через Лиман -
И пред *Леоновой* столицей

Раскинул грозный стан!

6

Мгновенно войсками покрылась
Окрестная страна,
И кровь повсюду заструилась, -
Везде кипит война!

7

Горят деревни, селы пышут,
Прах вьётся среди долин;
В сердцах убийством хладным дышат
Варяг и славянин.

8

Потомки Брута и Камилла
Сокрылися в стенах;
Уже их нега развратила,
Нет мужества в сердцах.

9

Их император самовластный
В чертогах трепетал
И в астрологии, несчастный!
Спасения искал.

10

Меж тем, замыслив приступ смелый,
Ладьи свои Олег,
Развив на каждой парус белый,
Вдруг выдвинул на брег.

11

«Идём, друзья!» - рек князь России
Геройским племенам -
И шёл по суше к Византии,
Как в море но волнам.

12

Боязни, трепету покорный,
Спасти желая трон,
Послов и дань - за мир позорный
К Олегу шлёт Леон.

13

Объятый праведным презреньем,
Берёт князь русский дань,
Дарит Леона примиреньем -
И прекращает брань.

14

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.

15

Успехом подвигов довольный
И славой в тех краях,
Олег помчался в град престольный
На быстрых парусах.

16

Народ, узрев с крутого берега
Возврат своих полков,
Прославил подвиги Олега
И восхвалил богов.

17

Весь Киев в пышном пированье
Восторг свой изъевлял
И князю Вещего прозвание
Единогласно дал.

1821 или 1822

[1] *Евксин* (Понт Евксинский) - древнегреческое название Чёрного моря.
Леон – византийский император Лев VI (886–912)
Потомки Брута и Камилла – византийцы, потомки римлян.

Как ныне собирается Вещий Олег

Как ныне собирается вещий Олег
пройти через рощи развилистых рек,
соседей ограбить и славы найти —
кудесник встает у него на пути.

«Кудесник старинный, кудесник седой,
когда дорожишь ты своей бородой,
поведай, что видят слепые белки,
грядущее князю правдиво реки!»

Над степью широкие встали орлы.
И топчутся кони, ретивы и злы.
Старик навалился на посох сухой,
и степь огласилась речью такой:

«Смешны мне живые, пока не умрут,
смешны их сраженья и тягостный труд —
иссякнут и слава, и злоба, и месть —
в забвении ложь неизбежная есть

по имени ПАМЯТЬ... Великий Олег,
добычу несет тебе новый набег,
и за море дальнее вольный поход
дружине несет небывалый доход.

Куда ни примчит тебя верный твой конь,
встает на дыбы неизбежный огонь,
куда ни причалит твой княжеский челн —
река кровавая к нему притечет.

Сожженные нивы, обугленный кров,
заморского хмеля горячая кровь,
рабы и рабыни, восточный булат
и золото для киевских будет палат.

Над павшими в прахе – Олегова длань —
такая Олегу по жребию дань:
велик ты и славен... Не знаешь ты лишь,
какою кончиною жизнь утолишь.

И верно, мы смертны, отважнейший князь,
да только не помним того отродясь.
Но гибели сколько по свету ни сей,
а смерти случайность тревожит князей.

Ну что же, ты волен, как самая смерть —
вольна и она в твоём сердце коснётся
проклятьем над далью оставшихся лет:
Олегова гибель вольней, чем Олег!

Она не откроет свой срок никому —
ни вещей душе, ни слепому уму —
она ведь сама не решила пока,
когда тебе, князю, свалить дурака —

в бою ль просчитаться иль пьяным упасть
о камень – твоя непомерная власть
ее забавляет и даже смешит,
покончить с тобою она не спешит.

Но всласть полежав у тебя на душе,
кровавых потомков плодила уже:
коварства и ярости смрадный ручей
течет уж по жилам у Ольговичей.

Посмертный покой – это жалкая ложь:
ты жизни достоин и ты не умрешь:
останешься мучить, останешься жечь —
устанет рука и источится меч —

устанешь от вопля, от пепла в кострах,
запросишь забвенья, запросишься в прах...
Но смерть ПОСТОЯННА. И будешь палим
проклятьями новыми, купно с моим».

...Старик поднимает слепое лицо.
Стучатся цикады, как сбруи кольцо.
Мешают свой запах степные ростки
с дыханием конским и потом людским.

«Вещун! – восклицает разгневанный князь. —
Ты, нищий, дерзнул ли Олега проклясть?
Мой рок под моею трепещет стопой —
предвидишь ли, отче, что будет с тобой?»

Для бредней пещеры с чащобами есть —
пристала кудесникам лживая лесть:
варягу сражаться, кудеснику — лгать.
Кого ты посмел своим страхом пугать?

Для правды — бесправный, для света — слепой,
ты в жизни нашел лишь посмертный покой,
и в смерти найдешь только пустошь да ночь —
бессилием истину да не порочь!».....

Уходит дружина Олегу вослед.
Столп пыли остался спокоен и сед.
Исчезла дорога в невидимый лес.
И ворон кудесника видит с небес.

Владимир Высоцкий

Как ныне собирается вещей Олег
Щита прибивать на ворота
Как вдруг подбегает к нему человек
И ну шепелявить чего - то
Эх, князь, говорит, ни с того ни с сего
Ведь примешь ты смерть от коня своего.

Но только собрался идти он на "вы"
Отмщать неразумным хазарам
Как вдруг прибегают седые волхвы
К тому же разя перегаром.

И говорят ни с того ни с сего:
Что примет он смерть от коня своего.

Да кто ж вы такие, откуда взялись!?
Дружина взялась за нагайки
Напился, старик - так иди, похмелись,
И неча рассказывать байки.

И говорят ни с того, ни с сего:
Что примет он смерть от коня своего.

Ну в общем они не сносили голов:
Шутить не можете с князьями!
И долго дружина топтала волхвов
Своими гнедыми конями.

Иш, говорят, ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего.

А вещей Олег свою линию гнул,
Да так, что никто и не пикнул!
Он только однажды волхвов помянул,
И то, саркастически хмыкнул.

Ну надо ж болтать ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего.

А вот он, мой конь: на века опочил!
Один только череп остался
Олег преспокойно стопу возложил
И тут же, на месте, скончался.

Злая гадюка кусила его,
И принял он смерть от коня своего.

Каждый волхвов покарать норовит,
А нет бы послушаться, правда!
Олег бы послушал - ещё один щит
Прибил бы к воротам Цареграда.

Они ведь сказали с того и с сего,
Что примет он смерть от коня своего.

Александр Галич

Съезду историков

Предполагаемый текст моей предполагаемой речи на предполагаемом съезде историков стран социалистического лагеря, если бы таковой состоялся и если бы мне была оказана высокая честь сказать на этом съезде вступительное слово

Полцарства в крови, и в развалинах век,*
И сказано было недаром:
"Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам..."
И эти, звенящие медью, слова,
Мы все повторяли не раз, и не два,
Но как-то с трибуны большой человек
Воскликнул с волнением и жаром:

"Однажды задумал предатель-Олег
Отмстить нашим братьям-хазарам..."
Уходят слова, и приходят слова,
За правдою правда вступает в права.
Так помните ж, люди, и знайте вовек,
И к черту дурацкая смута: **
"Каким-то хазарам, какой-то Олег,
За что-то отмстил, почему-то!"
И это преданье седой старины -
Пример для историков нашей страны!
Сменяются правды, как в оттепель снег
И скажем, чтоб кончилась смута:
"Каким-то хазарам, какой-то Олег,
За что-то отмстил почему-то"
И этот марксистский подход к старине
Давно применяется в нашей стране.
Он нашей стране пригодился вполне
И вашей стране пригодится вполне,
Поскольку вы сами в таком же.... лагере!
Он вам пригодится вполне!
* Вариант: Полмира в крови...
** Вариант: Вовек, чтобы не было смуты